

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 16

«ХЛЕБ»

Александра Венглинская

Сезон 16 · материалы № 178–189 из 233 · цикл II

СОДЕРЖАНИЕ

1. Двести сорок два наказа вошли в один декрет
2. Кто первым называет цифру
3. Двенадцать лет аренды. Земля всё равно государственная
4. Триста вместо четырёхсот двадцати восьми
5. Календарь назначили документом
6. Пятьдесят процентов стали двадцатью четырьмя с половиной
7. Одна корова и двадцать ульев были записаны в устав
8. Ошибку признали через три года
9. Триста пятьдесят шесть стали двумястами шестьюдесятью
10. Цену узнавали в конце года
11. Сорок два года до решения. Сорок девять — до конца выдачи
12. Четыреста восемьдесят две тысячи тракторов за один год

Двести сорок два наказа вошли в один декрет

№ в серии: 178 из 233 · № в сезоне: 1 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: I «Двор» · Дзен: 03.09.2027 · ЖЖ: 03.09.2027 · Заставка: s16_01.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, крестьянство, Декрет о земле, земельный передел, община

Двадцать шестого октября тысяча девятьсот семнадцатого года Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о земле.

В четвёртый пункт вошёл не партийный проект, написанный заново, а крестьянский наказ, составленный редакцией «Известий» из двухсот сорока двух местных наказов.

Это важно для всего сезона. Государство отменило помещичью собственность одним актом. Но конкретную землю крестьянскому двору предстояло ещё получить через совсем другой механизм.

ДВЕСТИ СОРОК ДВА

Сводный наказ появился до Октября. Девятнадцатого августа «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» опубликовали текст, собранный из наказов, привезённых делегатами Первого Всероссийского крестьянского съезда.

Владимир Ленин подробно разбирал этот документ ещё до прихода большевиков к власти. Аграрная программа в нём была не большевистской по происхождению: она выросла из крестьянских требований и политически была ближе к социализации земли, которую отстаивали эсеры Виктора Чернова.

В октябре Ленин включил этот текст в собственный декрет почти как готовую инструкцию.

Здесь важнее не партийное авторство, а способ решения: власть взяла уже сформулированное крестьянское требование и придала ему силу закона.

ЧТО ОТМЕНИЛИ

Первая строка декрета была предельно конкретной. Помещичья собственность на землю отменялась немедленно и без выкупа.

Помещичьи имения, удельные, монастырские и церковные земли переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Но слово «переходили» требует осторожности. Декрет не создавал частного собственника-крестьянина вместо частного собственника-помещика.

Сводный наказ отменял частную собственность на землю вообще.

Продажа, покупка, аренда и залог земли теряли прежний смысл. Земля становилась общенародным фондом, крестьянин получал право пользования. Это уже другая юридическая модель двора.

Декрет отдельно оговаривал: земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются. Право пользования получал тот, кто обрабатывал землю своим трудом, семьёй или товариществом.

Наёмный труд наказ не допускал. Землепользование объявлялось уравнительным. Землю следовало распределять, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

А форма оставалась свободной. Подворная, хуторская, общинная или артельная — решение должны были принимать на месте.

То есть даже после декрета Москва не отвечала на главный бытовой вопрос крестьянина: сколько десятин будет у моей семьи весной?

КТО СЧИТАЛ

Ответ рождался ниже. Волостной земельный комитет принимал конфискованное имущество, описывал его и определял местный фонд.

Затем надо было посчитать население, выбрать норму, развести интересы соседних обществ и решить, какие земли оставить под особые хозяйства и государственные нужды.

Только после этого линия доходила до конкретного двора.

Поэтому слово «раздел» скрывает административную работу, иногда занимавшую месяцы и вызывавшую конфликты между соседними деревнями.

В феврале тысяча девятьсот восемнадцатого года Основной закон о социализации земли сделал механизм точнее. В его подготовке участвовали нарком земледелия левый эсер Андрей Колегаев и Иван Майоров, а принцип закона звучал как уравнильно-трудовой.

Потребительно-трудовая норма должна была учитывать и трудоспособность хозяйства, и возможность безбедного существования семьи земледельца.

Единой общероссийской нормы закон не установил. Это принципиально. Одинаковый декрет не означал одинакового надела.

Уезд с избытком земли и густонаселённый малоземельный уезд физически не могли дать двору одно и то же. Поэтому государство задавало правило, а местная территория давала число.

На практике главным распределителем часто оставалась сельская община. Большая российская энциклопедия фиксирует: конфискованные земли распределялись уравнильно, обычно по потребительной норме — по числу едоков.

Формально право перераспределения переходило к Советам. Фактически зависимость местных Советов от общины сохраняла за сельским сходом огромную роль.

Так декрет из Петрограда превращался в землю во дворе: границу полосы часто определяли люди из соседних дворов.

ДО ОКТЯБРЯ

И ещё одно осложнение. Передел начался не двадцать шестого октября.

Историк Владимир Кабанов по опросным листам Наркомзема и Московского облисполкома установил: ещё до Октября в части волостей помещичьи земли уже брались крестьянами на учёт.

После Октября изъятие ускорилося сильнее, чем строительство новых волостных Советов.

К февралю тысяча девятьсот восемнадцатого на учёт было поставлено более половины помещичьих земель в обследованном массиве.

Значит, декрет одновременно запустил новый порядок и узаконил часть уже идущего снизу процесса.

Крестьянин был не только получателем реформы: он участвовал в аграрной революции до того, как государство оформило её правила.

ТВЕРЬ, КУРСК, ЕЛЕЦ

Региональные цифры показывают, насколько разным был результат. По данным тверской статистики, к осени тысяча девятьсот восемнадцатого года в губернии ликвидировали около двух тысяч помещичьих имений из примерно двух тысяч ста двадцати.

Крестьянам передали в бесплатное пользование свыше пятисот пятидесяти тысяч десятин.

Здесь декрет действительно означал крупную земельную прибавку. Но переносить тверской результат на всю Россию нельзя.

В Курской губернии картина была другой. Исследование земельного передела показывает: средняя прибавка на человека была небольшой и сильно различалась между уездами.

В одном уезде это могла быть примерно одна десятая десятины на человека. В другом — втрое больше. И одновременно росло число безземельных хозяйств.

Это не опровержение передела, а доказательство: помещичья земля не могла одним арифметическим действием решить аграрное перенаселение.

Михаил Пришвин оставил бытовую фотографию того же механизма. Двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот восемнадцатого года он записал в Елецком уезде: после передела получилось примерно по четверти десятины на живую душу.

Дневник одного человека не даёт общероссийской статистики, но показывает бытовой итог «уравнительной нормы». В законе — принцип. Во дворе — четверть десятины на человека.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ

Здесь приходится отбить цифру, которую десятилетиями повторяли как итог Декрета о земле. Сто пятьдесят миллионов десятин.

Она слишком велика для прибавки, полученной крестьянами непосредственно в первые годы революции. Владимир Кабанов сопоставил ранние учёты.

К началу тысяча девятьсот девятнадцатого года на подконтрольной Советской власти территории Европейской России учитывалось около семнадцати миллионов двухсот тысяч десятин перешедшей крестьянам земли.

К концу следующего года — порядка двадцати трёх миллионов трёхсот тысяч. Границы учёта менялись, поэтому эти цифры нельзя превращать в итог всей бывшей империи.

Но и сто пятьдесят миллионов нельзя называть прямым результатом одного октябрьского декрета: Кабанов относил эту величину к значительно более длинному ряду.

ЧТО ПОЛУЧИЛ ДВОР

Получается четыре разных ответа. Юридически крестьянин получил не частную землю, а право трудового пользования частью общенародного фонда.

Политически он получил государственное подтверждение ликвидации помещичьего землевладения без выкупа.

Административно он зависел от местного передела, нормы, земельного комитета, Совета и очень часто общины.

Физически он получил столько земли, сколько конкретная территория могла перераспределить после всех вычетов и споров. Эти ответы не

противоречат друг другу. Они и есть механизм.

ПРЯМАЯ ПАРА

В «Разъезде» казачий двор получал землю вместе с обязанностью служить. Его надел был элементом служилой конструкции. Крестьянский двор после Октября оказался устроен иначе.

Сословная обязанность и помещичий собственник исчезли. Но частный фермер с окончательно закреплённой землёй не появился.

Появилось право пользования внутри фонда, который можно было перераспределять. И потому размер двора с самого начала зависел не только от труда семьи, но и от решения вокруг неё.

Двадцать шестого октября государство ответило на вопрос, кому больше не принадлежит земля.

На вопрос, сколько земли завтра окажется у конкретной семьи, отвечали уже волость, община, количество едоков и местный земельный фонд.

Если революция отдала крестьянину землю, почему для этого понадобилось ещё столько людей между декретом и его двором?

Первый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — развёрстка и налог: почему в марте тысяча девятьсот двадцать первого государство заменило сам механизм изъятия хлеба.

Кто первым называет цифру

№ в серии: 179 из 233 · № в сезоне: 2 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: I «Двор» · Дзен: 05.09.2027 · ЖЖ: 05.09.2027 · Заставка: s16_02.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, продразвёрстка, продналог, НЭП, крестьянство

Двадцать восьмого марта тысяча девятьсот двадцать первого года Совет Народных Комиссаров изменил одну цифру.

Вместо четырёхсот двадцати трёх миллионов пудов зерна, назначенных к сбору по развёрстке, продовольственный налог установили в размере не свыше двухсот сорока миллионов.

Разница почти в два раза. Но важнее было не количество хлеба. Изменился ответ на вопрос: кто первым называет цифру — государство или двор?

СВЕРХУ ВНИЗ

Одиннадцатого января тысяча девятьсот девятнадцатого года Владимир Ленин подписал декрет о продовольственной развёрстке.

Документ объяснял её военной необходимостью: срочно снабдить Красную Армию и бесхлебные районы.

Наркомат продовольствия Александра Цюрупы должен был определить, сколько зерна и фуража требуется государству. Затем общий объём распределялся между производящими губерниями, уездами, волостями, селениями и хозяйствами.

Само слово «развёрстка» описывало механизм: сначала государственная потребность, потом её разворачивали вниз по территории.

Декрет требовал выполнить назначенную губернии развёрстку к пятнадцатому июня. Хлеб отчуждался по твёрдым ценам.

Для скрывающих запасы документ предусматривал меры вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговору народного суда.

Под декретом кроме Ленина стояли подписи Николая Брюханова и Владимира Бонч-Бруевича.

Это был механизм мобилизации: он определял, сколько государству необходимо получить от территории.

Первоначально развёрстка относилась к зерновым хлебам и фуражу. Затем система распространилась на другие сельскохозяйственные продукты.

К концу Гражданской войны государство снабжало армию и города при разрушенном транспорте, падении промышленного обмена и денежного обращения.

В чрезвычайной военной задаче у развёрстки была функция. Вопрос возник, когда изменилась сама задача.

ВОСЬМОЕ ФЕВРАЛЯ

Здесь находится деталь, которая ломает популярную хронологию. Восьмого февраля тысяча девятьсот двадцать первого года Ленин набросал четыре тезиса о крестьянстве.

Первый тезис — заменить развёрстку хлебным налогом. Второй — уменьшить налог.

Третий — связать его размер с результатом хозяйства. Четвёртый — расширить свободу использования излишков после уплаты.

До Кронштадта оставалось несколько недель.

Поэтому формулу «продналог придумали после Кронштадтского восстания» я отвожу.

Документальная подготовка замены развёрстки началась раньше.

Восемнадцатого февраля существовал проект постановления ЦК. К началу Десятого съезда вопрос уже прошёл предварительную разработку.

Мартовский кризис мог влиять на скорость и политический вес решения, но не породил саму идею.

ПЯТНАДЦАТОЕ И ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ МАРТА

Пятнадцатого марта Десятый съезд РКП(б) принял резолюцию о замене развёрстки натуральным налогом. Формулировка ценна тем, что сама власть объяснила, что хочет исправить.

Новая система должна была дать земледельцу более свободное распоряжение ресурсами, укрепить хозяйство, поднять производительность и точно установить государственные обязательства.

Не «государство больше не берёт хлеб», а «крестьянин заранее знает, сколько именно государство возьмёт».

Через шесть дней решение стало законом.

Двадцать первого марта ВЦИК под председательством Михаила Калинина принял декрет о замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом.

Секретарём документ подписал Пётр Залуцкий.

Налог предписывалось сделать меньше развёрстки: он должен был покрывать только самые необходимые нужды армии, рабочих и неземледельческого населения.

По мере восстановления промышленности и транспорта обязательный сбор предполагалось дальше уменьшать, заменяя его обменом.

ОТ ДВОРА ВВЕРХ

Изменился и способ расчёта. Налог определялся как доля произведённых хозяйством продуктов.

Учитывались урожай, число едоков и количество скота; обложение строилось прогрессивно, беднейшие хозяйства могли получать льготы.

Обязательство теперь связывалось с параметрами конкретного хозяйства. Развёрстка шла от потребности государства вниз. Налог считался от двора вверх.

Самая глубокая перемена начиналась после уплаты. Новый закон заранее отделял налог от остатка: то, что оставалось после обязательства, находилось в распоряжении земледельца.

Остаток можно было направить на хозяйство, потребление или обмен. Здесь и появлялся экономический смысл посеять больше, чем необходимо для выполнения государственного задания.

Но и здесь нельзя перескочить через документы. Декрет двадцать первого марта ещё не вводил полностью свободную торговлю по всей стране: он говорил о местном хозяйственном обороте.

Двадцать четвёртого мая декрет СНК «Об обмене» уже прямо разрешил свободный обмен, покупку и продажу оставшихся после налога продуктов.

Здесь важна последовательность: сначала изменили обязательство, затем расширили распоряжение остатком.

ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ТРИ

Двадцать восьмого марта СНК перевёл принцип в число. Для зерновых продуктов развёрстка предыдущего хозяйственного года была назначена в размере четырёхсот двадцати трёх миллионов пудов.

Новый налог при среднем урожае — не более двухсот сорока миллионов. Декрет подписали Ленин, управляющий делами СНК Николай Горбунов и секретарь Лидия Фотиева.

Разница составляла сто восемьдесят три миллиона пудов. Но эти цифры требуют оговорки.

Четыреста двадцать три миллиона — это количество, которое по документу должно было быть собрано по развёрстке.

Двести сорок миллионов — установленная верхняя сумма налога при среднем урожае.

Это два государственных задания разных хозяйственных лет. Поэтому разницу нельзя объявить количеством хлеба, которое крестьянам буквально «вернули».

Фактический сбор зависел от урожая, территории и выполнения плана.

Сравнение показывает размер обязательства, назначенного деревне. Его резко уменьшили.

По некоторым продуктам сокращение было ещё сильнее. Для картофеля последующие нормы давали шестьдесят миллионов пудов налога вместо ста двенадцати миллионов развёрстки.

Для масличных семян — двенадцать миллионов вместо двадцати четырёх. А по льняному волокну новый налог был установлен в сотнях тысяч пудов против нескольких миллионов по прежней развёрстке.

Это системная перенастройка государственного хлебозаготовительного механизма.

ЦЮРУПА

Отдельного внимания заслуживает фигура Александра Цюрупы. Он руководил Наркомпродом в годы жёсткой продовольственной мобилизации.

Его аппарат проводил хлебную монополию, продотряды и развёрстку. И тот же Цюрупа участвовал в разработке перехода к продналогу.

В марте тысяча девятьсот двадцать первого он входил в комиссию, готовившую новое положение вместе с Владимиром Милютиным, Евгением Преображенским, Александром Лежавой и Дмитрием Мануильским.

Тот же государственный аппарат сменил инструмент, когда изменились условия.

Отдельно стоит отвести и обратный вывод. Развёрстка давала централизованную мобилизацию хлеба для армии и бесхлебных районов, и в этом смысле она свою функцию выполняла.

Но к тысяча девятьсот двадцать первому выяснилось другое. Механизм чрезвычайного изъятия плохо сочетался с восстановлением хозяйства.

Государству стало важно не только получить хлеб сегодня, но и стимулировать больший посев завтра.

ДВА ВОПРОСА

Развёрстка отвечала на вопрос: сколько хлеба нужно государству?

Налог отвечал на другой: сколько хозяйство обязано отдать государству, чтобы остальное осталось хозяйству? Разница кажется словесной, но за ней модель поведения.

При развёрстке дополнительный пуд мог увеличить объём изъятия. После заранее известного налога он становился ресурсом самого двора.

И именно эту связь Ленин записал ещё восьмого февраля: уменьшить обязательство и расширить свободу использования остатка.

ПРИЗНАНИЕ

В марте тысяча девятьсот двадцать первого государство не признало, что продразвёрстка «вообще не работала». Оно признало, что механизм военной мобилизации больше не подходит для новой задачи.

Это видно не из поздней оценки. Это написано в самом декрете: укрепить хозяйство, поднять производительность и точно установить обязательства.

Четыреста двадцать три миллиона пудов сменили на двести сорок. Но главным сокращением была не цифра. Государство сократило неопределённость вокруг крестьянского двора.

Если крестьянин заранее знает, сколько обязан отдать и что останется его семье после уплаты, насколько иначе он будет считать следующий посев?

Второй материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — двор при нэпе: что именно Земельный кодекс разрешил крестьянину считать и решать самому.

Двенадцать лет аренды. Земля всё равно государственная

№ в серии: 180 из 233 · № в сезоне: 3 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: I «Двор» · Дзен: 07.09.2027 · ЖЖ: 07.09.2027 · Заставка: s16_03.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, НЭП, Земельный кодекс, крестьянский двор, аренда, наёмный труд

Тридцатого октября тысяча девятьсот двадцать второго года ВЦИК утвердил Земельный кодекс РСФСР.

Первая конструкция была однозначной: вся земля оставалась собственностью Рабоче-Крестьянского государства.

А право трудового пользования ею было бессрочным. НЭП не вернул частную землю, но расширил коридор решений двора внутри государственной собственности.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Шестнадцатого января Наркомзем создал комиссию Петра Месяцева более чем из двадцати пяти специалистов. Основные положения дорабатывали Дмитрий Курский, Николай Осинский, Александр Цюрупа и сам Месяцев, в дальнейшей работе участвовал Александр Гойхбарг.

Наркомом земледелия был Василий Яковенко.

С разработкой земельного законодательства источники связывают также Отто Хауке, Николая Рудина, Михаила Шульгина, Ивана Новицкого и Николая Гендзехадзе.

Проект прошёл съезд землеустроителей, Наркомзем, комиссию Совнаркома и ВЦИК. Тридцатого октября его подписали Михаил Калинин и Абель Енукидзе.

С первого декабря Кодекс вступил в силу.

НЕЛЬЗЯ ПРОДАТЬ

Здесь находится первая граница НЭПа. Покупка, продажа, запродажа, дарение, завещание и залог земли запрещались.

Земля входила в единый государственный фонд, а право трудового пользования объявлялось бессрчным и прекращалось только по основаниям закона.

Двор не мог продать землю, но мог строить расчёт, исходя из бессрчности своего права пользования.

Кодекс разрешал оставаться внутри земельного общества или пользоваться землёй отдельно, не входя в него. Земельное общество большинством выбирало способ пользования: общинный, участковый — чересполосный, отрубной или хуторской — либо товарищеский.

Несогласные с переходом к другой форме могли при условиях закона выделить землю к одному месту.

Это не частная собственность и не обязательная коллективная обработка. Выбор формы существовал.

Кодекс определил двор как семейно-трудовое объединение, совместно ведущее сельское хозяйство; двор мог состоять и из одного человека. Право на землю, постройки и инвентарь принадлежало всем его членам независимо от пола и возраста, а домохозяином мог быть и мужчина, и женщина.

Имущество двора нельзя было взыскать за личные долги отдельного члена. Раздел допускался, если выделяемая земля позволяла создать самостоятельное хозяйство.

Закон работал уже с конкретной хозяйственной единицей: земля, семья, имущество и обязательства.

АРЕНДА И НАЁМ

Самая заметная перемена — трудовая аренда. В семнадцатом наказ её запрещал; в мае двадцать второго Основной закон уже разрешил временную переуступку права пользования, но с ограничениями.

Сдать землю могло временно ослабленное хозяйство. Обычный предел — один севооборот, без него три года; исключительный — до двух севооборотов, но не более шести лет.

Арендатор не мог взять больше, чем способен обработать силами своего хозяйства. Это была аренда права пользования, не продажа земли.

Наёмный труд разрешался как вспомогательный, если собственных работников или инвентаря не хватало. Хозяйство сохраняло трудовой характер: его трудоспособные члены работали вместе с нанятыми.

В малоземельных районах наём обычного хозяйства ограничивался отдельными сезонами.

Поэтому формула «разрешили капиталистическое хозяйство с батраками» слишком широка: разрешили подсобный наём внутри трудового двора.

Дальше государство не сужало этот коридор, а несколько лет расширяло его. Восемнадцатого апреля тысяча девятьсот двадцать пятого года СНК СССР принял Временные правила о подсобном наёмном труде.

Условия найма батрака или батрачки оформлялись письменным соглашением: работа, срок, рабочее время и плата.

Договор не мог ухудшать положение работника против правил. Рынок труда появился, но оставался юридически регулируемым.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Двадцать второго февраля тысяча девятьсот двадцать шестого года ВЦИК и СНК снова изменили Земельный кодекс.

При развитии севообороте землю разрешили сдавать до двух севооборотов; при простом или отсутствующем — до двенадцати лет.

Арендатору разрешили использовать наёмный труд по правилам Кодекса. Это уже не краткая чрезвычайная уступка.

К середине НЭПа государство увеличило временной горизонт хозяйственного решения. Но и после двенадцатилетней аренды земля не становилась собственностью арендатора.

После продналога и Кодекса хозяйство могло считать, сколько посеять, какую культуру выбрать и как использовать остаток. Оно выбирало форму

землепользования, могло сдать или арендовать землю, нанять сезонных работников, разделить двор или сохранить его единым.

Это и есть «двор считал сам»: не свобода от государства, а хозяйственный расчёт внутри установленной им рамки.

СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ

Результат восстановительного периода виден в посевной площади.

По сводной статистике, в двадцать втором году общая посевная площадь составляла около семидесяти семи миллионов семисот тысяч гектаров.

В двадцать пятом — более ста четырёх миллионов, в двадцать шестом — около ста десяти, к двадцать восьмому — примерно сто тринадцать миллионов гектаров.

Довоенный уровень, оценивавшийся примерно в сто пять миллионов гектаров, был превышен.

Но причинную стрелку «Кодекс дал тридцать пять миллионов гектаров посева» я не ставлю.

Низкая точка двадцать второго года возникла после войны, разрушения и голода. Восстановлению одновременно помогали окончание войны, продналог, торговый оборот, освоение земли, восстановление транспорта и более устойчивое земельное право.

Рост посевов не изолирует действие одной статьи. Он показывает: при более предсказуемом хозяйственном горизонте сельское хозяйство быстро восстанавливало площади.

ДВЕ ГРАНИЦЫ

НЭПовский двор нельзя описывать как обычного рыночного собственника. Земля не продавалась, аренду регистрировали сельсоветы и волисполкомы, а земельное общество отвечало перед государством за угожья.

Истошающее землю хозяйство могло повлечь временное лишение участка. Рынок был встроен в государственный земельный фонд.

Поэтому неверны обе удобные картинки: ни частная земельная собственность не была восстановлена, ни хозяйственное пространство двора не исчезло.

Государство оставило себе землю и правила. Двор получил бессрочность пользования, выбор формы, аренду, регулируемый наём и право распоряжаться результатом после обязательных платежей.

В двадцать шестом допустимый срок аренды ещё увеличили до двенадцати лет.

ПЕРЕД ДВАДЦАТЬ СЕДЬМЫМ

К двадцать седьмому сельское хозяйство подошло уже не из разрухи двадцать первого. Посевы превысили довоенный уровень, двор считал налог, рынок, аренду, рабочие руки и будущий посев.

Но государству был нужен не просто выращенный хлеб, а хлеб, вынесенный на рынок по приемлемой для него цене.

Засеянные гектары этого не гарантировали: урожай мог быть собран, а государственные заготовки — сорваны.

Если двор научился считать сам, что происходит, когда его расчёт перестаёт совпадать с расчётом государства?

Третий материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — двадцать седьмой: почему при восстановленных посевах государственные хлебозаготовки вошли в кризис и какие способы принуждения начали выбирать вместо прежнего хозяйственного расчёта.

Триста вместо четырёхсот двадцати восьми

№ в серии: 181 из 233 · № в сезоне: 4 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: I «Двор» · Дзен: 09.09.2027 · ЖЖ: 09.09.2027 · Заставка: s16_04.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, хлебозаготовительный кризис, НЭП, Сталин, Сибирь, статья 107

В январе тысяча девятьсот двадцать восьмого года Иосиф Сталин назвал одну цифру статистическим выражением хлебозаготовительного кризиса.

Годом раньше к январю было заготовлено четыреста двадцать восемь миллионов пудов зерновых. Теперь — около трёхсот миллионов. Разрыв составлял сто двадцать восемь миллионов пудов.

Посевная площадь восстановилась, но нужный хлеб перестал в нужном объёме приходить к заготовителям.

НЕ УРОЖАЙ ОДИН

Удобнее всего объяснить кризис одной причиной. Плохой урожай. Низкая государственная цена.

Кулацкое придерживание хлеба. Ошибка планирования. Документы самой партии летом того же года не позволили оставить одну причину.

Июльский пленум перечислил дефицит промтоваров, невыгодные хлебные цены, ошибки планирования и налогообложения, слабость заготовителей, действия кулаков и спекулянтов, нарушения законности.

Это конфликт механизмов НЭПа в одной точке.

В предыдущем материале двор получил право считать. К двадцать седьмому году он действительно считал.

Государственная закупочная цена на хлеб была фиксирована, частный рынок мог платить больше, другие продукты могли быть выгоднее, а промышленных товаров деревне не хватало.

Июльский пленум позднее прямо признает неблагоприятное соотношение хлебных цен и цен на другие сельскохозяйственные продукты.

Это не снимает вопрос о крупных запасах у состоятельных хозяйств. Но возвращает в расчёт самого производителя.

У двора была причина подождать с продажей, если сегодняшняя цена и сегодняшний ассортимент его не устраивали.

ТРИСТА

В феврале Сталин разослал партийным организациям собственный итог первых мер. К январю предыдущего года — четыреста двадцать восемь миллионов пудов.

К январю нынешнего — едва триста миллионов. Недобор к прошлогоднему уровню — сто двадцать восемь миллионов.

Для государства это был уже не торговый результат, а риск снабжения рабочих центров, Красной Армии и районов технических культур.

Под угрозой оказывались экспорт и валютные поступления для закупки оборудования. Кризис стал вопросом государственного снабжения.

КОМАНДИРОВКИ

Девятого января Политбюро решило отправить руководителей в хлебные районы: Вячеслава Молотова — на Урал, Анастаса Микояна — на Северный Кавказ, Виктора Кубяка — в Казахстан.

Первоначально в Сибирь предполагался Серго Орджоникидзе, но поехал Сталин.

Это само по себе показывает смену режима управления: обычная заготовительная сеть требуемого результата не давала.

Центр посылал членов высшего руководства непосредственно в районы заготовок.

Восемнадцатого января Сталин участвовал в заседании бюро Сибирского крайкома.

Сибирский годовой план составлял шестьдесят миллионов пудов. За июль — декабрь было заготовлено меньше трети, и местные работники

предлагали снизить задание.

После обсуждения решили выполнить все шестьдесят миллионов.

Но выполнить уже не обычным рыночным способом НЭПа.

СТО СЕДЬМАЯ

Первым инструментом стала статья сто седьмая УК РСФСР. Она предусматривала ответственность за злостное повышение цен через скупку, сокрытие или невыпуск товара на рынок.

В Сибири её распространили на крупных держателей хлеба; статью сто пятую — на должностных лиц, помогавших срыву заготовок. На места направляли работников, ускоряли платежи, подключали прокуратуру и печать.

Государство перешло от хлебной цены к административному воздействию на продажу.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Внутри самого сибирского аппарата это решение не было бесспорным. Девятнадцатого января работник Сибкрайкома Сергей Загуменный написал Сталину и секретарю крайкома Сергею Сырцову специальное письмо.

Он предупреждал о политических последствиях применения статьи сто седьмой непосредственно к производителям хлеба.

Статья была построена вокруг скупки, сокрытия и невыпуска товара ради повышения цен; крестьянин, державший собственный урожай, не всегда автоматически совпадал с этой конструкцией.

Способ принуждения был юридически спорным уже в момент применения.

Девятнадцатого января Сталин телеграфировал Вячеславу Молотову и Станиславу Косиору из Новосибирска. Сибирь отставала сильнее других районов; темп требовалось как минимум удвоить.

Сталин сообщал: от снижения плана отказались и обязались выполнить все шестьдесят миллионов. План оставался, менялся способ заставить рынок дать объём.

Двадцатого января Совет труда и обороны установил для второго квартала хозяйственного года ещё одну жёсткую величину.

С января по март требовалось заготовить двести пятьдесят миллионов пудов зерновых. Документ выводил цифру из потребности бесперебойного снабжения до нового урожая; затем план утвердило Политбюро.

Государство не могло ждать рынка: у него были города, армия и календарь снабжения.

июль

В административном смысле январские меры дали результат: темпы хлебозаготовок выросли.

Но летом центр подвёл итог намного сложнее, чем формула «нажали — получили». Десятого июля пленум ЦК потребовал решительной ликвидации чрезвычайных мер.

Причины включали не только действия кулаков и спекулянтов, но и дефицит промтоваров, цены, ошибки планирования и слабость собственных организаций.

Отдельным пунктом стали нарушения революционной законности.

Шестнадцатого июля Наркомюст разослал прокурорам циркуляр.

Он требовал прекратить обходы дворов, незаконные обыски и аресты, принудительную развёрстку излишков, закрытие базаров и перегибы против середняков и бедноты.

Николай Крыленко при этом требовал продолжать борьбу со скупщиками и торговцами хлебом по той же сто седьмой статье.

Значит, июльское решение не отменяло государственное регулирование хлебного рынка. Оно пыталось снова провести границу между законом и чрезвычайным административным нажимом.

Поэтому январь двадцать восьмого не был мгновенной отменой НЭПа.

После кризиса центр ещё пытался вернуться к нормальным методам: повысить заготовительные цены, не стеснять свободную продажу и не повторять перегибы.

Рынок формально сохранялся. Но после января уже существовал и второй инструмент — прямое давление, если рынок не давал план.

НЕ УРАЛЬСКО-СИБИРСКИЙ

Здесь я отвожу удобную деталь: будто во время поездки Сталина в Сибирь в январе двадцать восьмого уже применялся тот самый «уральско-сибирский метод».

Хронология другая.

В январе двадцать восьмого документы говорят о чрезвычайных мерах, статье сто седьмой, ускорении платежей и партийных уполномоченных.

«Уральско-сибирский метод» становится отдельной формулой уже в кампании тысяча девятьсот двадцать девятого года: план доводили до села, а сход распределял повышенные обязательства прежде всего между зажиточными хозяйствами.

Это разные механизмы; второй последовал уже в следующей кампании.

На апрельском пленуме тысяча девятьсот двадцать девятого Сталин уже защищал уральско-сибирский метод открыто.

Сталин видел в методе не только получение хлеба, но и организацию бедняцко-середняцкой части деревни против кулачества.

Алексей Рыков спорил с чрезвычайными мерами и считал их хлебный результат несоразмерным хозяйственным последствиям.

Спор шёл о допустимом способе получить у частного хозяйства продукт по государственной цене.

ЧЬЯ ЦИФРА ОБЯЗАТЕЛЬНА

Поэтому кризис важнее своих ста двадцати восьми миллионов пудов.

В двадцать первом государство заменило развёрстку налогом, затем расширило пространство хозяйственного расчёта.

В двадцать седьмом выяснилось: самостоятельный расчёт двора может дать результат, несовместимый с государственным планом снабжения и индустриализации.

Тогда вопрос стал другим. Не сколько свободы оставить хозяйству. А что делать, когда хозяйство использует эту свободу не так, как требуется государству.

Июльский пленум попытался удержать оба принципа.

Повысить хлебные цены, исправить завоз промтоваров, устранить ошибки организаций и ликвидировать чрезвычайные меры — но сохранить государственный план хлебозаготовок.

Это была попытка починить НЭП, не отменить его. Через год кризис повторится. И тогда государство уже будет выбирать между всё более организованными способами воздействия на частный двор.

Триста миллионов вместо четырёхсот двадцати восьми показали не отсутствие хлеба как такового.

Они показали предел конструкции, в которой государство назначает необходимый объём, а частный производитель сам решает, выгодно ли ему сегодня этот объём продавать.

Если обе стороны считают сами, чья цифра обязательна, когда расчёты больше не совпадают?

Четвёртый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — пятое января: как центр назначил темп коллективизации по группам районов и календарным срокам.

Календарь назначили документом

№ в серии: 182 из 233 · № в сезоне: 5 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: II «Слом» · Дзен: 11.09.2027 · ЖЖ: 11.09.2027 · Заставка: s16_05.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, коллективизация, 5 января 1930, колхозы, артель, Политбюро

Пятого января тысяча девятьсот тридцатого года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление о темпе коллективизации.

Пятилетний план предполагал к концу пятилетки охватить коллективами двадцать процентов посевной площади. Новый документ говорил уже об «огромном большинстве крестьянских хозяйств» и ставил зерновым районам календарные сроки.

Темп превратился из хозяйственной динамики в государственную директиву.

ДО ПЯТОГО ЯНВАРЯ

Но начинать с фразы «коллективизацию придумали пятого января» нельзя.

Пятого декабря Политбюро создало комиссию Якова Яковлева из восемнадцати человек.

В неё вошли Владимир Каминский, Борис Шеболдаев, Станислав Косиор, Андрей Андреев, Филипп Голощекин, Сергей Сырцов, Карл Бауман и Турар Рыскулов.

Комиссии дали четырнадцать дней: пересмотреть план, определить темпы по районам и связать их с государственной помощью. Центр готовил календарь.

Двадцать второго декабря Яковлев сообщил Политбюро: данные о реальном охвате хозяйств крайне нечётки.

Запросили секретарей всех окружкомов и потребовали разбить районы по фактической доле коллективизированных хозяйств.

Заслушали Нижнюю и Среднюю Волгу, Северный Кавказ, Центрально-Чернозёмную область и Украину.

Срок не рисовали по пустой карте: центр собирал местные данные и превращал их в общую директиву.

Третьего января комиссия представила окончательный проект. По указанию Сталина его сократили, убрав часть уставных и ведомственных вопросов; пятого января Политбюро утвердило текст с поправками.

Это не был текст, единолично написанный Сталиным за вечер, а результат комиссии, местных докладов, ведомственных расчётов и решения Политбюро.

Ответственность центра от этого не уменьшается. Она становится точнее.

ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ И ОГРОМНОЕ БОЛЬШИНСТВО

Постановление исходило из того, что движение уже охватывает районы, округа и области.

На весну ожидалось более тридцати миллионов гектаров обобществлённых посевов против двадцати двух — двадцати четырёх миллионов, намеченных пятилеткой к её концу.

Документ делал вывод: прежний темп отстал от движения, значит ориентир надо пересматривать вверх.

Здесь есть ещё одна арифметическая ловушка.

Пятилетний план говорил о двадцати процентах посевной площади, постановление — об «огромном большинстве крестьянских хозяйств».

Это разные знаменатели. Нельзя писать, будто двадцать процентов хозяйств одним решением заменили на большинство.

Но направление изменения очевидно и без такого пересчёта.

Плановая граница коллективизации была резко расширена, а сроки главных зерновых районов вынесены внутрь первых лет пятилетки.

ДВЕ ПОЛОСЫ

Самый жёсткий календарь получили Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ: в основном закончить коллективизацию осенью тысяча

девятьсот тридцатого, во всяком случае — весной следующего года.

Это примерно один сельскохозяйственный цикл. Районы были ключевыми для товарного зерна и хлебозаготовок.

После кризиса двадцать седьмого — двадцать восьмого государство связывало устойчивое снабжение уже с другой организацией самого производителя.

Для других зерновых районов срок был длиннее: осень тысяча девятьсот тридцать первого или, во всяком случае, весна тридцать второго.

В практической работе сюда относили Украину, Центрально-Чернозёмную область, Сибирь, Урал и зерновые районы Казахстана.

Документ назначал стране не одну дату, а разные скорости.

В учебниках часто встречается схема из трёх групп: первая — к весне тридцать первого, вторая — к весне тридцать второго, третья — к концу пятилетки.

Как позднее обобщение она удобна. Но буквальный текст пятого января прямо называет только две группы зерновых районов; для остальных отдельного перечня с такой же точной датой нет.

Поэтому фразу «пятого января СССР официально разбили на три исчерпывающих списка» я отвожу.

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ

Сроки не существовали отдельно от ресурсов. Кредит колхозному сектору увеличивали с двухсот семидесяти до пятисот миллионов рублей.

ВСНХ запрещали задерживать строительство тракторных заводов и обязывали к пятнадцатому марта доложить о росте выпуска сложных машин. МТС должны были работать преимущественно с коллективами.

Центр не только говорил «быстрее»: он перераспределял кредит, технику и организационные ресурсы.

Но документ одновременно делал опасный выбор. ЦК требовал не тормозить коллективизацию ссылками на недостаток тракторов.

Полная замена конной тяги машинной признавалась делом нескольких лет; на переходный период предлагались конно-машинные и смешанные базы.

Организационную форму разрешалось построить раньше полной технической базы.

Постановление определило и главную форму нового хозяйства.

Главной формой объявлялась сельскохозяйственная артель — не прежнее товарищество и не коммуна с максимальным обобществлением.

Коллективизировались основные средства производства, хозяйственные постройки и товарно-продуктивный скот. Устав ещё предстояло разработать.

Следовательно, пятого января центр одновременно назначал темп и конструировал форму, в которую должны были входить миллионы дворов.

НЕ ПРИКАЗ ВСТУПИТЬ, НО КАЛЕНДАРЬ

И здесь возникает главный внутренний контраст документа.

В десятом пункте партийным организациям велели возглавить движение, которое сам ЦК называл стихийно растущим снизу.

В одиннадцатом следовало предупреждение против «декретирования» сверху и подмены реального движения «игрой в коллективизацию».

Поэтому писать, будто пятого января каждому крестьянину приказали немедленно вступить в колхоз, нельзя. Такого пункта нет.

Но противоположная крайность столь же неверна. Предупреждение против декретирования не отменяло календаря.

Местная организация получала две команды: не превращать коллективизацию в административную игру и обеспечить срок.

Напряжение было встроено в сам документ: заранее назначенный результат требовалось получить процессом, который официально нельзя было просто назначить.

КУЛАК

Пятое января зафиксировало ещё один поворот. ЦК объявил переход от ограничения кулачества к политике его ликвидации как класса.

Но категорий выселения и конфискации в этом постановлении ещё не было. Пятнадцатого января создали комиссию Вячеслава Молотова, тридцатого появилось отдельное секретное постановление.

Пятое января задало принцип и темп; механизм раскулачивания оформлялся отдельно.

ПЛАН ОБОГНАЛИ

Самое важное видно уже через два месяца. По данным Наркомзема СССР на первое марта, в колхозах числилось около пятидесяти шести процентов крестьянских хозяйств страны.

В РСФСР отдельные районы отчитывались ещё выше: Северный Кавказ — около восьмидесяти пяти процентов, Центрально-Чернозёмная область — более восьмидесяти шести, Урал — свыше семидесяти.

Это уже быстрее календаря пятого января.

Центр назначил ускоренный темп — и почти сразу местная кампания стала обгонять даже его.

Постановление давало первой зерновой группе срок до осени или весны следующего года. К первому марта некоторые территории уже отчитывались о подавляющем большинстве хозяйств.

Не за год — за несколько недель. Это различие понадобится в следующем материале.

ПЯТОЕ ЯНВАРЯ

Поэтому исходный узел требует точной формулы. Колхозное движение не возникло пятого января из ничего. Комиссия фиксировала уже идущий рост и собирала данные с мест.

Но именно центр превратил движение в календарь: назвал районы, поставил сроки, увеличил кредит, перенаправил МТС, определил артель как главную форму и объявил новый курс в отношении кулачества.

До этого государство меняло отношения с двором через землю, налог, рынок и заготовки. Пятого января решение стало организационным: менять требовалось уже не цену и не способ изъятия, а саму единицу сельского производства.

Документ одновременно говорил две вещи: движение растёт снизу — не декретировать его; главные зерновые районы должны закончить коллективизацию в назначенный срок.

Одна строка защищала процесс от административной фикции, другая превращала результат в календарное обязательство.

Через несколько недель отчётные проценты побегут быстрее календаря.

Если центр назначает срок, но запрещает превращать срок в принуждение, каким способом местный аппарат должен доказать, что успел?

Пятый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — отлив: почему через два месяца тот же центр остановил гонку, потребовал исправить перегибы и увидел массовый выход из колхозов.

Пятьдесят процентов стали двадцатью четырьмя с половиной

№ в серии: 183 из 233 · № в сезоне: 6 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: II «Слом» · Дзен: 13.09.2027 · ЖЖ: 13.09.2027 · Заставка: s16_06.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, коллективизация, Головокружение от успехов, 14 марта 1930, колхозы, отлив

Второго марта тысяча девятьсот тридцатого года «Правда» напечатала статью Иосифа Сталина «Головокружение от успехов».

В ней стояла цифра: к двадцатому февраля коллективизирована половина крестьянских хозяйств СССР.

Через три месяца Наркомзем даст другую — двадцать четыре с половиной процента. Отлив почти вдвое, но это не была отмена коллективизации.

ДО СТАТЬИ

Разворот начался раньше второго марта.

Двадцатого февраля Политбюро запретило механически переносить темпы зерновых областей в экономически отсталые национальные районы.

Там требовались замедленный темп, подготовительная работа и учёт местных условий.

Через пять дней угрозы лишением воды и товаров и применение вооружённой силы в Узбекистане были названы недопустимыми.

Центр начал тормозить часть методов ещё до публичной статьи Сталина.

ПЯТЬДЕСЯТ

Но статья второго марта не объявляла прежний курс ошибкой. Напротив, Сталин начинал с успеха.

По его данным, к двадцатому февраля коллективизировано пятьдесят процентов хозяйств, пятилетний план перевыполнен более чем вдвое.

Колхозы собирали для ярового сева более тридцати шести миллионов центнеров семян. Проблема начиналась там, где успех превращался в потерю чувства меры.

Дальше формулировка была предельно жёсткой. Колхозное движение, писал Сталин, должно опираться на добровольность и учитывать различия районов; насаждать колхозы силой нельзя.

Он критиковал бумажные колхозы и попытки догонять передовые районы там, где условия не созрели, включая угрозы силой, лишением воды и промтоваров в Туркестане.

Эти примеры совпадали с закрытыми решениями Политбюро февраля.

Вторая граница касалась того, что именно коллективизировать. Основной формой Сталин называл сельскохозяйственную артель.

В артели обобществлялись основные средства производства, но приусадебная земля, жильё, часть молочного скота, мелкий скот и птица оставались вне общего имущества.

Попытки перейти сразу к коммуне статья называла забеганием вперёд. Коррекция возвращала границу между коллективным хозяйством и личным двором.

ДЕСЯТОГО — ПЯТНАДЦАТОГО МАРТА

Статья была ещё не нормативным актом. Десятого марта Политбюро приняло решение о борьбе с искривлениями.

Четырнадцатого опросом утвердили печатную редакцию Сталина, Вячеслава Молотова и Серго Орджоникидзе; пятнадцатого её опубликовала «Правда».

Отсюда две даты в источниках: утверждение и публикация.

Постановление давало уже не общие предупреждения, а картину нарушений. Добровольность заменялась угрозой раскулачивания и лишения избирательных прав, среди пострадавших оказывались середняки и бедняки.

В некоторых районах доля раскулаченных доходила до пятнадцати процентов, лишённых прав — до двадцати.

ЦК отдельно писал об искусственном вздувании статистики: за несколько дней коллективизация могла «дойти» с десяти до девяноста процентов.

Центр сам признал часть мартовских процентов недостоверным показателем реального движения.

ЦК потребовал прекратить принудительную коллективизацию, исправить списки раскулаченных, вернуть границы личного имущества, не переводить артели в коммуны самовольно.

Рынки и базары следовало восстановить, продажу продуктов не стеснять, административное закрытие церквей прекратить, упорствующих работников — снимать.

Это уже не газетный комментарий, а обязательная коррекция исполнительного механизма.

НЕ ОСТАНОВКА

Но тот же документ требовал продолжать добровольное вовлечение и укреплять существующие колхозы.

ЦК не отменял постановление пятого января, артель или курс на коллективизацию. Он останавливал способы, превращавшие назначенный темп в административный захват двора.

Поэтому формула плана «центр остановил собственную кампанию» нуждается в уточнении. Центр остановил часть способов проведения кампании, но не её цель.

Здесь возникает самый трудный вопрос — об ответственности. Статья Сталина связывала перегибы с местными работниками, потерявшими чувство меры, а постановление ЦК называло их нарушением партийной линии.

Но центр пятого января сам назначил ускоренные сроки и потребовал быстрого роста.

Местный аппарат не придумал государственный календарь. Зато угрозы, фиктивные проценты и насильственное обобществление прямо противоречили центральным установкам.

Это разные уровни ответственности за разные действия.

УКРАИНА

Результат коррекции лучше всего виден там, где есть единый ряд одного ведомства.

На Украине, где партийную организацию возглавлял Станислав Косиор, а Совнарком — Влас Чубарь, десятого марта в колхозах числилось шестьдесят четыре и четыре десятых процента хозяйств.

К десятому апреля — сорок четыре и три десятых. К десятому мая — тридцать семь и семь десятых. К первому июня — тридцать шесть и одна десятая.

Число хозяйств сократилось с трёх миллионов двухсот сорока восьми тысяч до одного миллиона восьмисот восьмидесяти трёх тысяч.

Это данные информационного отдела ОГПУ: за неполные три месяца исчезла почти половина мартовского состава.

В общесоюзных оперативных материалах ОГПУ видна и форма отлива. К двадцатому марта было учтено почти тридцать тысяч заявлений о выходе, за следующие двенадцать дней — ещё более сорока одной тысячи.

В одних местах подавали заявления, в других разбирали обобществлённый скот; где-то выход сопровождался выступлениями.

Поэтому «выход» нельзя считать спокойным индивидуальным голосованием против колхозной формы. Но массовость движения документальна.

ПОЛОВИНА — ЧЕТВЕРТЬ

Первого июня Наркомзем СССР, которым руководил Яков Яковлев, насчитал в колхозах шесть миллионов сто сорок девять тысяч хозяйств —

двадцать четыре с половиной процента.

Первого октября предыдущего года было шесть и восемь десятых.

Отлив не вернул деревню в исходную точку: колхозный сектор оставался в несколько раз крупнее осеннего. Это важный контрдовод.

Март показал не исчезновение коллективизации, а распад значительной части хозяйств, созданных форсированным темпом.

Отлив шёл неодинаково. На Украине доля сократилась примерно с двух третей до немногим более трети; в главных зерновых районах часть массивов удержалась лучше.

Март подтвердил сформулированный второго числа принцип: одинаковый темп нельзя механически переносить между разными территориями.

НЕ РЕФЕРЕНДУМ

Есть соблазн прочитать массовый выход как окончательный ответ всего крестьянства на саму идею коллективного хозяйства.

Статистика этого не доказывает. К июню в колхозах оставалась примерно четверть хозяйств СССР, а в последующие годы доля снова выросла.

Часть выходивших могла отвергать способ вступления, степень обобществления или работу наскоро созданного хозяйства, а не коллективный труд вообще.

Развести эти мотивы одной общесоюзной цифрой невозможно.

Пятое января назначило темп. В феврале центр уже ограничивал методы в национальных районах. Второго марта Сталин публично потребовал добровольности и артельной формы, четырнадцатого — пятнадцатого коррекция стала обязательным решением.

Первого июня осталось двадцать четыре с половиной процента хозяйств. Качество административной цифры оказалось проверено тем, что произошло после отмены принуждения.

ОТЛИВ

В январе центр боялся, что местный аппарат не успеет к назначенному сроку.

В марте он столкнулся с обратным риском: аппарат успевал слишком быстро, потому что часть результата существовала только пока действовало давление.

Остановить давление означало потерять часть процента. ЦК сознательно пошёл на эту потерю и одновременно потребовал сохранить и укрепить то, что оставалось.

Поэтому мартовский отлив — не отмена пятого января. Это проверка январской цифры на устойчивость.

Если после восстановления права выйти половина отчётного результата исчезает, какой процент следует считать настоящим — тот, который аппарат успел записать, или тот, который хозяйство согласилось сохранить?

Шестой материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — разрешённое исключение: зачем колхозной конструкции понадобились личный приусадебный участок, скот и хозяйство двора.

Одна корова и двадцать ульев были записаны в устав

№ в серии: 184 из 233 · № в сезоне: 7 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: II «Слом» · Дзен: 15.09.2027 · ЖЖ: 15.09.2027 · Заставка: s16_07.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, колхоз, приусадебный участок, личное хозяйство, Примерный устав 1935

Семнадцатого февраля тысяча девятьсот тридцать пятого года СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвердили Примерный устав сельскохозяйственной артели.

В пятом пункте записали вещь, плохо укладывающуюся в картину «всё обобществили».

Обычному зерновому двору разрешались корова, молодняк, свиноматка, до десяти овец и коз, сколько угодно птицы и кроликов и до двадцати ульев.

А во втором пункте каждому двору полагалась приусадебная земля. Это было одним из правил колхозного строя.

ЗА ДЕНЬ ДО УСТАВА

Шестнадцатого февраля комиссия Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников обсуждала проект устава. Иосиф Сталин вмешался именно в формулировку о личном хозяйстве.

В проекте говорилось, что из обобществлённых земель колхозным дворам выделяются участки. Сталин предложил: участок выделяется каждому колхозному двору.

Первая формула допускала двор без участка, вторая превращала участок в нормальный элемент артельной конструкции.

В комиссии были предложения ограничить личную землю одной десятой гектара. Сталин возражал.

Он говорил, что личные интересы колхозника нельзя игнорировать, пока общественное хозяйство не способно дать семье всё необходимое.

Ту же логику он применял к корове и свиноматке. Не «личное хозяйство пока не уничтожили», а «его нельзя зажимать, пока артель не

заменила его по функции».

ОТ ЧЕТВЕРТИ ДО ГЕКТАРА

Устав устанавливал приусадебную землю обычно от четверти до половины гектара, в отдельных районах — до одного.

Земля под домом не считалась. Конкретную норму определяли по областным и районным условиям.

Даже личная часть двора проектировалась централизованно и дифференцированно.

Здесь нужна та же граница, что и в материале о НЭПе. Колхозник не получал участок в частную собственность.

Земля артели закреплялась за ней в бессрочное пользование — в уставе специально добавили слово «навечно».

Из этого массива каждому двору выделялась земля в личное пользование. Продать её как земельный титул было нельзя. Личным было хозяйство семьи на выделенном участке.

Устав проводил границу внутри имущества двора. Обобществлялись рабочий скот, основные машины, семена и нужные общественному хозяйству постройки.

Мелкий инвентарь, дом и имущество подсобного хозяйства оставались двору. Граница была перечислена нормативно.

ОТ ОДНОЙ КОРОВЫ ДО ДЕСЯТИ

Для обычных земледельческих районов норма была сравнительно узкой: корова, до двух голов молодняка, свиноматка с приплодом, до десяти овец и коз, неограниченно птицы и кроликов и до двадцати ульев.

Это точный перечень разрешённого личного производства.

Но единой нормы для всей страны не было.

В земледельческих районах с развитым животноводством разрешались две — три коровы, молодняк, две — три свиноматки и до двадцати пяти овец и коз.

Такой режим действовал в части Казахстана, Белоруссии, Украины, Сибири и Башкирии. Региональная специализация меняла размер личного хозяйства.

В полукочевых животноводческих районах предел был выше: до пяти коров, до сорока овец и коз и в ряде случаев личная тягловая скотина.

В кочевых районах Казахстана и Бурят-Монголии допускались до десяти коров, ста пятидесяти овец и коз и десяти лошадей.

«Приусадебный» не означал один одинаковый огород: конструкция подстраивалась под тип территории.

Весной началась конкретизация норм по республикам и областям. Двадцать второго мая Политбюро рассматривало проекты местных уставов.

По Киевской области интервалы шли от трёх десятых до шести — семи десятых гектара, по Днепропетровской и Одесской во многих районах — от половины до одного гектара.

Центр устанавливал не только максимум, но и минимальный размер.

Для Башкирии в засушливых и горных районах установили от четырёх до восьми десятых гектара, в остальных — от четверти до шести десятых.

Там, где по обычаю не разводили свиней, разрешили дополнительных овец и коз; корову можно было заменить кумысной кобылицей.

Это настройка личного хозяйства под реальную структуру быта.

СЛИШКОМ МАЛО

Летом органы НКВД Западной Сибири фиксировали другую проблему.

Некоторые местные руководители пытались занизить участки: боялись, что колхозник будет работать на своём огороде вместо колхоза.

В Ордынском районе один колхоз записал четверть гектара при районной норме от половины. УНКВД зафиксировало это как недостаток применения устава.

Уменьшение личного участка ниже коридора тоже считалось нарушением.

Пятого декабря тысяча девятьсот тридцать шестого года эта конструкция поднялась ещё на один правовой этаж.

Седьмая статья Конституции СССР закрепила за каждым двором приусадебный участок в личном пользовании, а подсобное хозяйство, дом, продуктивный скот, птицу и мелкий инвентарь — в личной собственности.

Норма устава стала конституционной.

ДВАДЦАТЬ ОДНА С ПОЛОВИНОЙ

Теперь — масштаб.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом приусадебные хозяйства колхозников занимали около девяти миллионов гектаров сельхозземель и примерно пять миллионов гектаров посевов. Колхозные посевы — около ста шестнадцати миллионов.

По площади личный контур был мал. По продукции — гораздо заметнее.

В стоимостной оценке валовой продукции личные хозяйства колхозников давали двадцать одну с половиной процента, колхозы — около шестидесяти трёх, совхозы — чуть более девяти.

В животноводстве личные хозяйства по этой таблице давали почти вдвое больше продукции по стоимости, чем общественные хозяйства колхозов.

Малый земельный контур давал крупный результат.

Бюджетные обследования середины тридцатых показывают ту же связь с другой стороны. Для питания колхозной семьи личный двор давал почти всё молоко и мясо и большую часть овощей и картофеля, а хлеб в основном приходил из общественного хозяйства через трудодни.

Получалась функциональная специализация: колхоз — зерновая основа и общественный доход, двор — значительная часть ежедневного продовольствия.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Из этих чисел вытаскивают два противоположных вывода, и оба надо отвести.

Первый: малый двор эффективнее колхоза — пять миллионов гектаров посева дают пятую часть продукции против ста шестнадцати миллионов у артелей.

Но структура продукции была разной. Колхозы концентрировали зерно и технические культуры, личный участок — картофель, овощи, молоко и мясо. Сравнить их по общей стоимости значит сравнивать разные хозяйственные задачи.

Второй вывод обратный, и для моего тезиса он опаснее.

Если корма и часть ресурсов личного хозяйства поступали из самого колхоза, то двор не дополнял общественный сектор, а кормился за его счёт. Тогда высокая доля личной продукции — не доказательство двухконтурной конструкции, а признак перетока ресурсов вниз.

Довод серьёзный, и фактическая его половина верна: секторы были взаимосвязанными, а не независимыми.

Но замысел проверяется не пропорцией, а поведением государства, когда пропорция сдвинулась. В тридцать девятом излишки обрезали до нормы устава — и на этом остановились.

ОБМЕР

Но конструкция имела предел. К концу десятилетия центр увидел обратную проблему: личное хозяйство местами вытесняло участие в общественном.

Двадцать седьмого мая тысяча девятьсот тридцать девятого ЦК и Совнарком велели обмерить участки и вернуть излишки в общественный фонд.

За незаконное расширение руководителям грозили снятием и судом.

Обмер охватил почти девятнадцать миллионов дворов и выявил около двух с половиной миллионов гектаров сверх норм. Почти весь излишек

вернули колхозам.

Но само приусадебное хозяйство не ликвидировали — его вернули к границам устава. Исключение ограничили, а не отменили.

К тридцать пятому году артель была построена уже не как хозяйство, в котором личное должно исчезнуть завтра.

У неё было два контура. Общественный — поле, техника, государственные обязательства и трудодень. Личный — огород, сад, дом, скот и продукты семьи.

Первый должен был быть главным, второй подсобным. Но подсобный не означает ненужный.

РАЗРЕШЁННОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Самая точная формула появилась ещё в комиссии шестнадцатого февраля.

Если артель пока не может дать семье всё необходимое, нельзя взять у двора то, что закрывает этот разрыв.

Поэтому участок не просто разрешили сохранить — его предписали выделить каждому двору. Корову не просто терпели — её количество записали в устав по типам районов.

Через год баланс закрепили в Конституции. Когда личное хозяйство разрослось сверх рамки, государство обрезало избыток до нормы, а не уничтожило институт.

Если личный участок был всего лишь пережитком прошлого, зачем новое колхозное государство сначала гарантировало его каждому двору, а затем так тщательно рассчитывало его размер?

Седьмой материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — седьмое августа: сколько людей действительно получили высшую меру и длительные сроки по закону об охране социалистической собственности и что произошло после пересмотра дел.

Ошибку признали через три года

№ в серии: 185 из 233 · № в сезоне: 8 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: II «Слом» · Дзен: 17.09.2027 · ЖЖ: 17.09.2027 · Заставка: s16_08.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, 7 августа 1932, социалистическая собственность, судебная практика, пересмотр приговоров

Седьмого августа тысяча девятьсот тридцать второго года ЦИК и СНК СССР приняли постановление об охране социалистической собственности.

Базовая санкция была предельно жёсткой: расстрел с конфискацией имущества, при смягчающих обстоятельствах — не менее десяти лет.

Через три с половиной года государство проверит сто пятнадцать тысяч пятьсот пятьдесят три приговора. В девяноста одной тысяче пятистах сорока шести случаях применение закона признают неправильным.

Закон и его применение оказались разными величинами.

ДВАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Замысел закона документирован лучше многих позднейших объяснений. Двадцатого июля Сталин написал Лазарю Кагановичу и Вячеславу Молотову о резком росте хищений грузов на железных дорогах, кооперативного и колхозного имущества.

Ущерб на транспорте он оценивал десятками миллионов рублей.

Главной проблемой Сталин называл организованное расхищение общественной собственности и мягкость прежних наказаний.

По его формуле, обычный вор получал два — три года и нередко быстро выходил по амнистии. Отсюда — идея резко поднять санкцию.

Седьмого августа постановление подписали Михаил Калинин, Вячеслав Молотов и Абель Енукидзе.

Оно состояло из трёх блоков: защита транспортных грузов, имущества колхозов и кооперации и самих колхозников от насилия и угроз.

За хищение транспортных грузов и колхозно-кооперативного имущества устанавливался расстрел с конфискацией; при смягчающих обстоятельствах — не менее десяти лет.

Амнистия не применялась. Это действительно чрезвычайный закон.

НЕ ТРИ КОЛОСКА

Но в самом постановлении нет ни трёх колосков, ни минимального веса похищенного зерна. Популярное название возникло из практики.

Двадцать третьего марта тысяча девятьсот тридцать третьего Андрей Вышинский докладывал о неправильном применении закона.

Он приводил реальные примеры: кочан капусты для собственного употребления, незначительный предмет на производстве, несколько колосьев.

Поэтому «дел за колоски не было» столь же неверно, как «сам закон написали про три колоска». Первое опровергает Наркомюст, второе — текст закона.

СЕНТЯБРЬ

Ещё двадцать девятого августа заместитель наркома юстиции Иван Булат требовал от судов гибко использовать статью, позволявшую опускаться ниже установленного минимума.

Шестнадцатого сентября Политбюро утвердило инструкцию Верховного суда СССР, прокуратуры и ОГПУ. Наркомюст РСФСР возглавлял Николай Крыленко.

Инструкция точнее показывает предполагаемую шкалу. Крупные, организованные и транспортные хищения ориентировались прежде всего на высшую меру.

Для трудящихся единоличников и колхозников основной мерой инструкция называла десять лет; расстрел связывался с систематичностью, крупным размером, группой или насилием.

Десять лет не были фантазией районного суда — так была построена центральная инструкция.

СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ

Первые месяцы дают измеримый результат. Доклад Наркомюста РСФСР до первого января называл семьдесят шесть тысяч девятьсот шестьдесят одного осуждённого первой инстанцией.

Высшая мера — две тысячи пятьсот восемьдесят восемь; десять лет — сорок три тысячи триста шестьдесят; более мягкие меры — двадцать семь тысяч девятьсот тринадцать.

В опубликованном документе есть арифметическая проблема: категории не складываются в общий итог. Поэтому дополнительный точный процент по этой таблице я не считаю.

Более поздняя сводка Вышинского на первое марта давала девяносто восемь тысяч двести шестьдесят шесть осуждённых. Высшая мера была назначена четырём тысячам двумстам двум — четырём и трём десятым процента.

Расстрел был реальной, но малой по доле санкцией; десять лет применялись значительно чаще. И приговор к расстрелу первой инстанции не равен числу исполненных приговоров.

Доклад Наркомюста показывает крупный объём отмен и изменений уже в обычной кассации. В Ленинградской области осенью — зимой из почти двух тысяч прошедших кассацию приговоров без изменения оставили примерно половину, четверть отменили, около пятой части изменили.

К маю доля изменённых там приговоров приблизилась к половине. Верховный суд СССР под председательством Александра Винокурова также утверждал лишь часть поступавших смертных приговоров.

Назначенную высшую меру нельзя автоматически превращать в число расстрелянных.

ФЕВРАЛЬ И МАРТ

Двадцать шестого февраля Пленум Верховного суда СССР попытался провести границу внутри самого закона. Организованные, крупные и повторные хищения оставались прямой областью закона.

Для мелких единичных краж, совершённых трудящимися из нужды или при других смягчающих обстоятельствах, предписывались обычные статьи уголовных кодексов.

Закон не отменяли — ограничивали сферу чрезвычайной санкции.

Двадцать седьмого марта Президиум ЦИК СССР закрепил ту же линию.

Поздняя записка Вышинского формулирует смысл: прекратить применение закона к мелким единичным кражам и кражам трудящихся из нужды.

Государство признало проблему слишком широкого применения уже через несколько месяцев. Но инструкция ещё не означала исправления практики.

СПЛОШНАЯ ПРОВЕРКА

Одиннадцатого декабря тысяча девятьсот тридцать пятого Вышинский снова написал Сталину, Молотову и Калинин: серьёзные ошибки сохранились. Он предложил проверить всех осуждённых до первого января тридцать пятого, и Сталин предложение поддержал.

Шестнадцатого января ЦИК и СНК приняли закрытое постановление о сплошной проверке.

Проверять должны были не выборочную группу жалоб: Верховному суду, Прокуратуре и НКВД поручили проверить всех осуждённых судами или репрессированных ОГПУ и НКВД до установленной даты.

Комиссии работали в лагерях, тюрьмах и колониях; могли переqualифицировать дело, сократить срок и ходатайствовать об освобождении. Срок — шесть месяцев.

Двадцатого июля Вышинский доложил результат: проверено сто пятнадцать тысяч пятьсот пятьдесят три приговора.

Без изменений оставлено двадцать четыре тысячи семь — двадцать один процент.

По девяноста одной тысяче пятистам сорока шести — семьдесят девять процентов — применение закона признали неправильным и переквалифицировали деяния.

Из мест лишения свободы освободили тридцать семь тысяч четыреста двадцать пять человек — тридцать два процента проверенного массива.

ЧТО ЗНАЧИТ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ

Эта цифра требует аккуратного чтения. Она не означает, что семьдесят девять процентов признали невиновными.

Во многих случаях деяние оставалось преступлением, но чрезвычайный закон применили неправильно. Поэтому «всех реабилитировали» — неверно.

Но и пересмотр не был символическим: тридцать семь тысяч человек вышли из мест лишения свободы.

Получается четыре уровня одного решения. Седьмого августа центр сознательно создал суровый закон; в сентябре десять лет стали основной мерой для колхозника или единоличника при хищении колхозного имущества.

К февралю — марту высшие судебные органы выводили мелкие кражи из-под чрезвычайной нормы.

В тридцать шестом государство пересмотрело ранние приговоры и почти в четырёх случаях из пяти признало применение закона неправильным.

«Закон о трёх колосках» — неточное название акта, но оно возникло не из пустоты: дела за несколько колосьев документированы Наркомюстом.

Обратный образ — будто любой подобранный зерно автоматически получал расстрел — также неверен. Высшая мера составляла несколько

процентов приговоров первой инстанции и часто проверялась кассацией.

Массовой тяжёлой санкцией были десять лет. Именно чрезмерно широкое её применение затем пришлось исправлять.

ЦЕНА ОШИБКИ

В предыдущем материале личный двор был встроен в колхозную конструкцию как разрешённый хозяйственный контур.

Здесь проходит его противоположная граница. Общественное имущество артели защищалось чрезвычайным уголовным законом.

Но при такой тяжести санкции ошибка в определении границы становилась ошибкой на годы человеческой жизни.

Поэтому важен не только текст седьмого августа, но и последующая способность государства ограничить применение и пересмотреть больше ста тысяч приговоров.

Но остаётся другой вопрос.

Если почти четыре из пяти проверенных приговоров потребовали переквалификации, где должна была находиться защита от неправильного применения закона — через три года в лагерной комиссии или в первом суде, который решал дело?

Восьмой материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — тридцать второй — тридцать третий: хлебозаготовительные планы, чёрные доски, семенная помощь и конкретные решения государства в год голода.

Триста пятьдесят шесть стали двумястами шестьюдесятью

№ в серии: 186 из 233 · № в сезоне: 9 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: III «Двор без права» ·
Дзен: 19.09.2027 · ЖЖ: 19.09.2027 · Заставка: s16_09.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб,
голод 1932–1933, хлебозаготовки, чёрные доски, семенная ссуда, Украина, Северный Кавказ

Шестого мая тысяча девятьсот тридцать второго года СНК СССР и ЦК ВКП(б) установили Украине план хлебозаготовок в триста пятьдесят шесть миллионов пудов.

Шестнадцатого января следующего года окончательным планом назовут двести шестьдесят миллионов.

Между этими цифрами — снижение задания, чрезвычайные меры, «чёрные доски», изъятие внутренних фондов и затем встречная помощь.

Голод нельзя разобрать одной цифрой. Но можно восстановить последовательность решений.

ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

Майское постановление само начиналось со снижения. Общесоюзный план по колхозам и единоличникам уменьшали на двести шестьдесят четыре миллиона пудов.

Для Украины назначали триста пятьдесят шесть миллионов вместо четырёхсот тридцати четырёх; для Северного Кавказа — сто тридцать шесть вместо ста пятидесяти четырёх.

Поэтому формула, будто план вообще не снижали, требует исправления. Снижали, и не один раз.

Вопрос в другом: насколько оставшийся план соответствовал реальному хозяйству и какими средствами его обеспечивали.

Второго сентября украинский план уменьшили ещё на сорок миллионов пудов и распределили снижение между областями.

Но обязательность оставшегося задания не исчезла: его продолжали раскладывать до колхозов и единоличных хозяйств.

В конце октября Вячеслав Молотов находился на Украине. Обкомы просили нового снижения примерно на семьдесят семь миллионов пудов.

Первого ноября Политбюро согласилось дополнительно снизить украинский план на семьдесят миллионов.

По Северному Кавказу затем снизили ещё на двадцать два миллиона, по Нижней Волге — на шесть. Корректировали несколько зерновых территорий.

Тридцатого октября ЦК КП(б)У утвердил на ноябрь девяносто миллионов пудов.

По выполнению этой цифры предлагалось судить о способности областных парторганизаций вести борьбу за хлеб.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ НОЯБРЯ

Восемнадцатого ноября Политбюро ЦК КП(б)У приняло пакет чрезвычайных мер.

Станислав Косиор и Влас Чубарь должны были закончить заготовки к первому января. На село направляли шестьсот рабочих-коммунистов, в сорок — пятьдесят районов — специальные бригады.

Обкомы отчитывались по пятидневкам.

План объявлялся первоочередной задачей, которой подчинялись семенной, фуражный, продовольственный и другие фонды.

В плохо выполнявших план колхозах расходование фондов запрещалось, райисполком мог перевести их в заготовки.

Для семенного фонда требовалась отдельная санкция облисполкома. Автоматического изъятия любого семенного фонда не было — но возможность существовала.

Натуравансы в плохо выполнявших план колхозах прекращались, ранее выданный сверх норм хлеб требовали вернуть.

Зерно с приусадебного посева засчитывалось в выдачу по трудодням; «излишек» после пересчёта шёл в заготовки.

Для колхозов, обвинённых в злом срыве заготовок, вводились натуральные штрафы — до пятнадцатимесячной нормы сдачи мяса.

Штраф не заменял хлебное обязательство. Для единоличников действовала сходная схема, иногда с картофельным заданием.

Давление распространялось уже на весь продовольственный баланс хозяйства.

ЧЁРНАЯ ДОСКА

Особенно жёстким инструментом стала «чёрная доска».

Для занесённых туда колхозов прекращались подвоз товаров, торговля и кредитование; долги взыскивались досрочно. Одновременно проводилась чистка аппарата.

Шестого декабря СНК УССР и ЦК КП(б)У занесли на «чёрную доску» шесть сёл: Вербку, Гавриловку, Лютеньки, Каменные Потоки, Святотроицкое и Пески.

Постановление подписали Влас Чубарь и Станислав Косиор. Для этих сёл прекращались торговля и кредит, товары вывозились.

Это режим хозяйственной изоляции конкретной территории.

«Чёрная доска» не была исключительно украинским инструментом.

На Северном Кавказе Лазарь Каганович описывал тот же набор: прекращение подвоза, торговли и кредита.

В Нижней Волге крайком, напротив, отменял самовольное занесение ряда колхозов и требовал вернуть распроданный скот и инвентарь.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ

Шестнадцатого января Политбюро зафиксировало окончательные цифры: Украина — двести шестьдесят миллионов пудов, Северный Кавказ — сто двенадцать миллионов четыреста тысяч. Сроки объявлялись окончательными и пересмотру не подлежали.

Триста пятьдесят шесть стали двумястами шестьюдесятью. Украинское задание уменьшалось несколько раз.

Но снижение не означало исчезновения давления: оставшемуся плану подчиняли внутренние фонды, торговлю, кредит и натуральные штрафы.

Снижение задания и ужесточение исполнения шли одновременно.

ВСТРЕЧНЫЙ ПОТОК

Восьмого февраля Политбюро ЦК КП(б)У уже обсуждало случаи голодания в деревне и малых городах.

Дальше начинается встречное движение зерна — из государственных запасов обратно в поражённые районы.

Восемнадцатого февраля Сталин и Молотов подписали секретное постановление о помощи Украине.

На семенную ссуду выделялось двадцать миллионов триста тысяч пудов, из них колхозам — восемнадцать миллионов шестьсот три тысячи.

Отдельно создавался обменный фонд и выделялся фураж. Главная задача — весенний сев.

Тем же постановлением на продовольственную помощь выделяли два миллиона триста тысяч пудов ржи и кукурузы.

Днепропетровской области — миллион, Одесской — восемьсот тысяч, Харьковской — триста тысяч, ещё двести тысяч — резерв. Отгрузку требовали начать немедленно.

Помощь оформлялась как беспроцентная ссуда с возвратом осенью натурой.

К ста полученным пудам начисляли ещё десять пудов административных и транспортных расходов. Государство спасало посев, не отказываясь от принципа обязательства.

По Северному Кавказу действовала сходная логика: тринадцатого февраля выделили четырнадцать миллионов двести тысяч пудов семян, миллион продовольственной помощи и полмиллиона фуража.

Кризис охватывал несколько крупных сельскохозяйственных зон СССР.

Тринадцатого марта на Украину распорядились завезти три миллиона пудов ржи.

В апреле дополнительные партии получили Киевская, Харьковская и Днепропетровская области; в мае последовал новый пакет помощи. Это была серия решений.

ДВЕ ГРАНИЦЫ

Отсюда две границы, и обе надо держать одновременно.

Первая. Февральская, мартовская, апрельская и майская помощь не отменяет осеннего изъятия. Двадцать миллионов пудов семенной ссуды не аннулируют натуральные штрафы до пятнадцатимесячной нормы сдачи мяса, «чёрные доски» и перевод внутренних фондов в заготовки. Помощь — не алиби.

Вторая граница обратная. Из суровости хлебозаготовок нельзя одним этим массивом документов доказать заранее поставленную центральную задачу вызвать массовый голод.

В решениях цели сформулированы иначе: выполнить заготовки, снабдить государство, затем обеспечить помощь и весенний сев.

Мотив за пределами документа не додумывается.

Тридцать второй — тридцать третий дают противоречивую картину.

Осенью зерно идёт из деревни в государственный фонд. Зимой государство признаёт голодание. Весной зерно идёт обратно как ссуда.

Одни органы сначала требуют изъятия, затем возвращают часть ресурса ради следующего урожая.

ДВОР БЕЗ ПРАВА

В НЭПе двор мог решать, когда продавать хлеб. К тридцать второму он уже не определял объём обязательной сдачи и не мог защитить внутренние фонды, если план объявлялся первоочередным.

Село или колхоз могли потерять торговлю и кредит. Право двора уступало праву плана.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ — ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Этот материал сознательно не заканчивается числом погибших: демографические потери требуют отдельной методики. Документы принятия решений уже показывают главное.

План снижали. Оставшийся план требовали выполнить безусловно. За срыв вводили натуральные штрафы и хозяйственную изоляцию. Внутренние фонды могли обращать в заготовки. Затем государство выделяло миллионы пудов зерна назад.

Если весной зерно приходится возвращать в деревню после осеннего обязательного изъятия, в какой момент план перестаёт быть мерой возможности хозяйства и становится мерой власти над ним?

Девятый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — трудодень: единица учёта труда, по которой крестьянин знал начисление, но не мог заранее знать конечную цену своего рабочего дня.

Цену узнавали в конце года

№ в серии: 187 из 233 · № в сезоне: 10 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: III «Двор без права» · Дзен: 21.09.2027 · ЖЖ: 21.09.2027 · Заставка: s16_10.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, трудодень, колхоз, оплата труда, приусадебное хозяйство, доходы колхозников

Семнадцатого февраля тысяча девятьсот тридцать пятого года СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвердили Примерный устав сельскохозяйственной артели.

Проект обсуждала комиссия наркома земледелия Михаила Чернова; Совнарком возглавлял Вячеслав Молотов.

По нему бригадир еженедельно записывал колхознику в трудовую книжку выработанные трудодни.

Но рядом нельзя было записать главное — сколько зерна и денег принесёт один трудодень в конце года.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом по СССР на него в среднем пришлось четыре килограмма зерна, через год — две целых и одна десятая.

Трудодень учитывал труд. Его цену заранее не знал никто.

НЕ ДЕНЬ

Начать надо с названия. Трудодень не был календарным рабочим днём. Устав требовал оценивать работу по норме выработки, квалификации, сложности и значению для артели.

Вспахать гектар, намолотить тонну или надоить молоко оценивались по-разному. Правление разрабатывало расценки, общее собрание их утверждало.

За календарный день можно было заработать не один трудодень. Это была условная единица сравнительного вклада.

ДОХОД ПОСЛЕ РАБОТЫ

Главная особенность находилась не в начислении. Она находилась в порядке распределения урожая.

Сначала артель выполняла поставки государству, возвращала семенные ссуды и рассчитывалась с МТС.

Затем засыпала семена и фураж, создавала фонды и могла выделить часть продукции для продажи. Только остаток распределялся по трудодням.

Денежный доход проходил похожую лестницу. Сначала налоги, страховка, возврат ссуд, производственные, административные и культурные расходы и неделимый фонд.

Только остаток делился по трудодням. Поэтому трудодень был не ставкой заработной платы. Он был долей в той части результата, которая оставалась после обязательств и фондов.

Колхозник знал норму выработки и число записанных трудодней. Правление ежемесячно вывешивало список начислений.

Но цену единицы можно было узнать лишь после урожая, обязательств, расходов, фондов и подсчёта всех трудодней. В этом отличие трудодня от фиксированной дневной зарплаты.

ЧЕТЫРЕ КИЛОГРАММА И ДВЕ ЦЕЛЫХ ОДНА ДЕСЯТАЯ

Урожайный тысяча девятьсот тридцать седьмой год показывает верхнюю сторону механизма.

Статистический справочник ЦУНХУ давал по СССР четыре килограмма зерна на трудодень и около восьмидесяти шести копеек.

На средний двор приходилось более четырёхсот трудодней и свыше ста пудов зерна. Это был сильный результат десятилетия.

Уже следующий хозяйственный год дал другую цену той же учётной единицы.

Зерна — две целых и одна десятая килограмма, денег — рубль и девять копеек. Денежная часть выросла, натуральная почти сократилась вдвое.

Изменился не трудодень, а результат хозяйственного года и доля продукта, дошедшая до распределения.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом по трудодням распределили около тридцати пяти и девяти десятых процента валового сбора зерна.

В следующем году — двадцать шесть и девять десятых, в тридцать девятом — двадцать два и девять десятых.

Чем меньше остаток после обязательств и хозяйственных нужд, тем меньше зерна приходилось на ту же единицу.

Историк Виктор Ильиных сводит официальный ряд: около двух целых и двух десятых килограмма в тридцать восьмом, одна целая и восемь десятых — в тридцать девятом, одна целая и шесть десятых — в сороковом.

Это не график всей экономики, а показатель сильной зависимости натуральной цены трудодня от хозяйственного года.

НЕ ОДНА ЦЕНА НА СТРАНУ

Средняя по Союзу скрывает ещё большую разницу.

В Белорусской ССР в тысяча девятьсот тридцать седьмом средняя выдача составляла около одной целой и семи десятых килограмма и тридцати пяти копеек.

В Свердловской области — почти шесть целых и девять десятых килограмма и около тридцати одной копейки. Один трудодень давал разный натуральный доход.

В Средней Азии структура менялась ещё сильнее. В Узбекской ССР зерновая выдача была меньше половины килограмма, зато денежная — более четырёх рублей на трудодень.

Причина — специализация на хлопке и технических культурах. Сравнивать его с зерновым районом только по хлебу бессмысленно.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Сначала отведу ходовую формулу. «Работали бесплатно, им ставили палочки» механизм не описывает: запись учитывала долю в распределении зерна, денег и других продуктов.

Но гарантированной зарплатой трудодень не был тоже.

Теперь довод против моего собственного тезиса, и он двойной.

Первое. Количество продуктов и денег на трудодень утверждало общее собрание артели, оно же утверждало нормы и расценки работ.

То есть распределение решал сам коллектив, а не внешняя сила, и колхозник в этом решении участвовал.

Второе. Трудодень был только одним каналом семейного дохода.

В сороковом году бюджетные обследования относили к личному подсобному хозяйству около сорока восьми процентов совокупного дохода семьи колхозника, а к колхозу — около сорока.

По денежным поступлениям разрыв ещё резче. По бюджетам семнадцати областей европейской части РСФСР во второй половине тридцать седьмого выдачи по трудодням давали около девяти процентов денежных поступлений семьи.

Значит, двор не был целиком под риском колхозного результата. У него был второй контур.

Признаю силу довода и отвечаю двумя уточнениями.

Собрание делило остаток, не определяя его. Поставки государству, возврат семенных ссуд, расчёты с МТС, семена, фураж и фонды стояли выше по очереди и в компетенцию собрания не входили.

А двухконтурность дохода риск не снимает — она его показывает. Личное подсобное хозяйство закрывало ровно те потребности, которые общественный доход покрывал неустойчиво. Двор страховал себя сам, потому что первый контур не давал гарантии.

И уйти во второй контур целиком он не мог.

Документы знают и колхозы, где натуральная выдача была крайне низкой.

В Сталинградском крае в тысяча девятьсот тридцать шестом НКВД фиксировал хозяйства с выдачей менее половины килограмма зерна.

Одна семья при более чем шестистах трудоднях получила около четырёхсот сорока килограммов против примерно тысячи шестисот

пятидесяти годом ранее при почти том же труде.

Цена единицы изменилась в несколько раз.

Поэтому вопрос «сколько платили за трудодень?» без года и места поставлен неправильно. Нужно назвать урожай, регион, специализацию, поставки, расчёты с МТС, фонды, денежный доход и общее число начисленных трудодней.

Только после этого появляется цена.

МИНИМУМ

Двадцать седьмого мая тысяча девятьсот тридцать девятого ЦК и Совнарком добавили трудодню вторую функцию — обязательный минимум.

В хлопковых районах — сто, в ряде северных и высокогорных — шестьдесят, в остальных — восемьдесят трудодней.

Не выполнившего минимум рекомендовалось считать выбывшим из колхоза и лишившимся прав, включая участок.

Тринадцатого апреля тысяча девятьсот сорок второго года требования повысили на время войны: до ста пятидесяти трудодней в хлопковых районах, ста во второй группе и ста двадцати в остальных.

Для подростков от двенадцати до шестнадцати лет установили пятьдесят. Постановление подписали Иосиф Сталин и Андрей Андреев.

Не выработавшего минимум без уважительной причины предписывалось предавать суду: до шести месяцев исправительных работ в колхозе с удержанием части оплаты, а годовой недобор мог означать утрату членства и участка.

По одной единице делили доход и измеряли обязанность.

Тринадцатого апреля тысяча девятьсот сорок второго года требования повысили на время войны.

Минимум повысили до ста пятидесяти трудодней в хлопковых районах, ста — во второй группе и ста двадцати — в остальных.

Для подростков от двенадцати до шестнадцати лет установили пятьдесят трудодней. Постановление подписали Иосиф Сталин и Андрей Андреев. Трудодень стал и измерителем обязательного участия.

Военное постановление пошло дальше. Не выработавшего без уважительной причины минимум по периодам предписывалось предавать суду.

Наказание — до шести месяцев исправительных работ в колхозе с удержанием части оплаты; годовой недобор мог означать утрату членства и участка.

По одной единице делили доход и измеряли обязанность.

Трудодень не был обычной зарплатой: его стоимость нельзя было знать в момент работы. Но не был и пустой отметкой: за ним стояла доля натурального и денежного остатка.

Работник знал количество единиц. Их цена зависела от результата всего колхоза и остатка для распределения.

ЦЕНА ПОСЛЕ ГОДА

В тысяча девятьсот тридцать седьмом средний трудодень дал четыре килограмма зерна, через год — примерно два.

В одной области — почти семь, в другой республике — меньше двух; в хлопковом хозяйстве зерна мало, зато денег несколько рублей. Одинаковой была единица учёта, не её цена.

Если человек обязан выработать заданное число трудодней, но узнаёт их стоимость лишь после завершения года и всех обязательств, кто заранее несёт главный хозяйственный риск — артель или сам двор?

Десятый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — паспорт: почему общесоюзную паспортную систему ввели в тысяча девятьсот тридцать втором, а обязательное распространение паспортов на всё сельское население завершили только через сорок два года.

Сорок два года до решения. Сорок девять — до конца выдачи

№ в серии: 188 из 233 · № в сезоне: 11 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: III «Двор без права» ·
Дзен: 23.09.2027 · ЖЖ: 23.09.2027 · Заставка: s16_11.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб,
паспорт, колхозники, сельское население, прописка, СССР

Двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот тридцать второго года Михаил Калинин, Вячеслав Молотов и Амель Енукидзе подписали постановление о единой паспортной системе СССР.

Двадцать восьмого августа тысяча девятьсот семьдесят четвёртого Алексей Косыгин подписал новое Положение: паспорт обязаны иметь все граждане с шестнадцати лет.

Между решениями — сорок два года. Массовая выдача должна была закончиться тридцать первого декабря тысяча девятьсот восемьдесят первого.

До исполнения — сорок девять лет.

для города

Паспортная система тридцать второго года вводилась для учёта и регулирования городского населения.

Постановление называло цели прямо: учёт населения городов, рабочих посёлков и новостроек, разгрузка их от лиц, не связанных с работой, и удаление тех, кому государство не разрешало жить в режимных пунктах.

Паспорт был удостоверением личности и инструментом территориального допуска.

Паспорта были обязательны для граждан от шестнадцати лет в городах и рабочих посёлках, на транспорте, в совхозах и на новостройках.

Документ удостоверял личность и фиксировал место жительства, работу и другие данные, а проживание требовало прописки.

Он связывал личность, занятие и территорию.

НЕ ВСЯ СТРАНА ОДИНАКОВО

Фраза о единой системе «по всему Союзу» не означала одинакового режима.

Сначала паспортизировали крупнейшие города, затем города, рабочие посёлки, райцентры, новостройки, предприятия, транспорт, совхозы, пункты при МТС и пограничные полосы.

Деревня вне этих зон получила иной порядок.

Двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот тридцать третьего года СНК сформулировал его буквально.

Постоянные жители сельских местностей вне паспортизированных зон паспортов не получают.

Учёт таких жителей вели сельские и поселковые Советы по поселенным спискам. Отсюда формула «у колхозников не было паспортов».

Но это правило проживания, а не пожизненный запрет получить документ.

При длительном или постоянном выезде в паспортизированную местность сельский житель должен был получить годичный паспорт ещё по прежнему месту жительства.

Через год постоянный переселенец получал паспорт по новому месту на общих основаниях.

Значит, «не получает паспорт для жизни в своей деревне» и «не может получить паспорт для переезда» — разные правила.

НО И СВОБОДА НЕ ПОЛНАЯ

Обратная крайность тоже неверна. Семнадцатого марта тысяча девятьсот тридцать третьего года ЦИК и СНК изменили порядок отходничества из колхозов.

Льготы сохранялись за отходниками, уходившими по договору с хозяйственным органом, зарегистрированному в правлении колхоза.

Самовольно бросившего хозяйство правление должно было исключать из колхоза. Перемещение пересекалось с членством в колхозе, договором и пропиской.

Девятнадцатого сентября следующего года СНК урегулировал даже случай ухода на предприятие без заранее заключённого договора.

Предприятие могло принять такого колхозника при наличии паспорта с прежнего места и справки правления о согласии на отход.

Прописка давалась на три месяца и продлевалась по заявлению администрации. Это фильтр мобильности и одновременно доказательство: паспорт колхознику выдавался.

В тысяча девятьсот тридцать четвёртом ЦИК напоминал о массовом приезде сельских жителей в города без паспортов и требовал получать годичный паспорт до переезда.

Шестнадцатого марта следующего года НКВД распространил это правило на переезд в любую другую местность, даже непаспортизованную деревню.

ЗНАЧИТ, «КРЕПОСТНЫЕ»?

Формула «колхозники были крепостными и физически не могли покинуть деревню до тысяча девятьсот семьдесят четвёртого» документально слишком груба.

Существовали отходничество, организованный набор, поступление на предприятия, учёба, служба и переезд, и для длительного выезда документы выдавались.

Но и «никаких ограничений не было» неверно: документ зависел от цели, места назначения и прописки, а для колхозника иногда и от согласия правления.

Перемещение шло через административную процедуру.

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Двадцать первого октября тысяча девятьсот пятьдесят третьего года Совет Министров СССР утвердил новое Положение о паспортах. Оно сохранило территориальную разницу.

Паспорта были обязательны в городах и райцентрах, а также на всей территории Литвы, Латвии, Эстонии, в Московской области и ряде режимных зон.

Остальная деревня продолжала жить без паспортов.

При выезде за пределы района более чем на тридцать дней сельский житель обязан был получить паспорт в милиции.

Для короткой поездки использовалась справка сельсовета, для сезонной работы за пределами области — краткосрочный паспорт на срок договора.

Государство различало: жить в деревне без паспорта, кратко выезжать по справке и переезжать надолго по паспорту.

И ещё одна деталь ломает слово «колхозник» как универсальный паспортный статус.

В Московской области паспорт был обязателен и для сельского жителя. То же относилось ко всей территории трёх прибалтийских республик и ряду других зон.

Два колхозника с одинаковой работой могли иметь разные паспортные обязанности из-за места проживания. Система прежде всего разделяла территории.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ

Но к шестидесятым эта территориальная конструкция стала огромной социальной проблемой.

Пятого апреля тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года первый заместитель председателя Совмина Дмитрий Полянский направил в ЦК записку.

По данным Министерства охраны общественного порядка, почти пятьдесят восемь миллионов сельских жителей старше шестнадцати лет

не имели общего права на паспорт.

Это составляло тридцать семь процентов взрослых граждан СССР.

Полянский перечислял трудности с работой, учёбой, семейными делами, гостиницами и почтой.

И та же записка не позволяет сказать, будто все жители деревни находились в одном режиме.

Паспорта уже имели жители ряда сельских территорий, работники промышленных предприятий, учреждений и транспорта и отдельные материально ответственные работники колхозов и совхозов.

Это огромная величина, но не всё сельское население.

СОРОК ДВА И СОРОК ДЕВЯТЬ

Двадцать восьмого августа тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года формула изменилась.

Новое Положение объявляло паспорт основным документом гражданина СССР и обязывало иметь его всех граждан от шестнадцати лет.

Не отдельные территории и категории — всех. Здесь сельское исключение исчезло юридически.

В полном объёме Положение вводилось с первого января тысяча девятьсот семьдесят шестого.

Выдачу новых паспортов предписывалось завершить к тридцать первому декабря тысяча девятьсот восемьдесят первого.

До выдачи нового документа длительный выезд оформлялся паспортом, короткий — справкой Совета.

Значит, правильных цифр здесь две, а не одна. Сорок два года — от решения тридцать второго до всеобщей паспортизации семьдесят четвёртого. Сорок девять — до конца массовой выдачи в восемьдесят первом.

Первая описывает смену принципа, вторая — завершение перехода.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ

После реформы сохранялась прописка; паспорт не давал свободы поселиться где угодно.

Изменилось другое — документ перестал зависеть от принадлежности к паспортизированной территории. Сельский гражданин от шестнадцати лет должен был иметь тот же основной документ, что городской.

До реформы паспорт появлялся у сельского человека при определённой территории, работе или переезде.

Сельсовет оставался базовым учётным органом, справка заменяла паспорт в коротких поездках, а для длительного переезда документ выдавался специально.

Для колхозного отходника могла добавляться связь с правлением колхоза. Это сложнее слова «запрет», но жёстче всеобщего режима.

В предыдущем материале трудодень показывал: колхозный двор заранее знал обязанность, но не цену результата.

Паспортная система добавляла другую асимметрию. Городской гражданин имел основной документ постоянно.

Значительная часть сельских граждан получала его не по возрасту и гражданству, а при специальных условиях. В тысяча девятьсот семьдесят четвёртом эту разницу убрали.

Но если документ, который государство само называет основным удостоверением личности гражданина, десятилетиями зависит от места его проживания, что именно система учитывает прежде всего — человека или территорию, к которой он приписан?

Одиннадцатый материал сезона «Хлеб», всего 12.

В следующий раз — два двора: прямая сверка колхозной конструкции с казачьим «Разъездом» и цена ликвидации МТС в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом.

Четыреста восемьдесят две тысячи тракторов за один год

№ в серии: 189 из 233 · № в сезоне: 12 из 12 · Сезон: 16 «Хлеб» · Часть: III «Двор без права» · Дзен: 25.09.2027 · ЖЖ: 25.09.2027 · Заставка: s16_12.png · Теги: Историческая Россия, Хлеб, колхоз, МТС, сельское хозяйство, казачий двор, Разъезд

Тридцать первого марта тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года Верховный Совет СССР принял закон о реорганизации машинно-тракторных станций.

К концу года более восьмидесяти трёх процентов колхозов уже приобрели технику МТС: четыреста восемьдесят две тысячи тракторов и двести пятнадцать тысяч зерновых комбайнов.

Закрывался главный разрыв конструкции: земля находилась у артели, машина — у государства. Но платно.

ДВА ХОЗЯИНА

Никита Хрущёв формулировал проблему просто: на одной земле существуют два хозяина — колхоз и МТС.

Колхоз отвечал за посев и урожай, но тракторы, комбайны и значительная часть механизаторов находились в государственной станции со своим планом.

Два центра управления работали на одном поле.

В тридцатые годы у создаваемых колхозов не было машинной базы, кадров и капитала для массовой закупки тракторов.

Государство оставило дорогую технику у себя и обслуживало её артели через МТС. Машина вошла в деревню раньше, чем колхоз мог сам её купить и содержать.

Со временем решение стало противоречием.

Устав закреплял землю за артелью, а общее собрание планировало хозяйство и распределяло доход. Но главное средство обработки поля принадлежало другой организации.

Член артели нёс последствия результата хозяйства, которое не полностью распоряжалось своей техникой.

ФЕВРАЛЬ, МАРТ, АПРЕЛЬ

Двадцать шестого февраля тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года Пленум ЦК КПСС одобрил реорганизацию МТС.

Официальная логика: колхозы достаточно окрепли, чтобы сами владеть машинной базой. МТС превращались в РТС; техника переходила колхозу.

Через месяц решение стало законом. Технику следовало продавать колхозам, желавшим её приобрести; не способным рассчитаться сразу предоставлялась рассрочка по экономическому состоянию.

Требования немедленной полной оплаты в законе нет.

Механизм определило постановление ЦК КПСС и Совета Министров.

Местные органы определяли, кто способен купить технику сразу, кому нужен срок, а где временно сохранить прежнее обслуживание.

Машины продавались по заявкам и исправными; цену определяла районная комиссия.

Цена учитывала срок службы, износ и состояние машины. Порядок оценки поручили ведомствам Владимира Мацкевича и Арсения Зверева; занижать цену в ущерб государству запрещалось.

Это была продажа, а не бесплатная передача.

ПЯТЬ ЛЕТ РАССРОЧКИ

Оплату разрешалось вносить сразу или в рассрочку. Райисполком мог дать два — три года, более высокий орган — до пяти. При своевременной выплате проценты не начислялись.

Просрочка превращала задолженность в процентный долг. Ходовая формула «рассрочки не было» неверна.

Но и слово «добровольно» нельзя вырывать из контекста. Колхоз мог обсуждать заявку и срок оплаты.

Но сеть МТС одновременно реорганизовывалась сверху. Выбор хозяйства происходил внутри уже принятой смены модели.

ДВАДЦАТЬ ОДИН МИЛЛИАРД

Пятнадцатого декабря Хрущёв докладывал: около восьмидесяти процентов МТС преобразовано в РТС, более пятидесяти пяти тысяч колхозов купили технику свыше чем на двадцать один миллиард рублей.

Денежный доход всех колхозов за предыдущий год он оценивал в девяносто пять миллиардов двести миллионов. Стоимость покупки превышала пятую часть годового дохода.

Двадцать один миллиард — стоимость приобретённой техники, не одномоментный платёж: часть хозяйств платила в рассрочку. Это масштаб перехода, не разовый отток.

По итогам года технику приобрели более восьмидесяти трёх процентов колхозов: четыреста восемьдесят две тысячи тракторов и двести пятнадцать тысяч зерновых комбайнов.

Переход охватил страну почти за год.

СИЛЬНЫЙ И СЛАБЫЙ

Для крепкого колхоза собственный трактор устранял внешнего диспетчера и давал контроль над сроками работ.

Для слабого он означал крупную покупку, а следом ремонт, горючее и кадры.

После реформы колхоз пользовался землёй и владел крупной машинной базой. Механизаторы переходили из МТС в хозяйства, поле и машина оказывались в одной организации. Разрыв «два хозяина» закрывался.

Иван Бенедиктов предупреждал: желание купить технику не означает одинаковой способности рассчитаться, особенно в части Нечерноземья.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Против тезиса о завершённой конструкции есть два довода, и оба надо привести целиком.

Первый — против моей собственной формулы. В плане сезона узел был записан так: колхозный двор получал обязанность без земли. Буквальной нормой это быть не может.

У двора был приусадебный участок, у артели — земля в «вечном» пользовании, а после пятьдесят восьмого и собственная машинная база. Формула снимается документом и заменяется точной: земля и обязанность прикреплялись к разным уровням.

Второй довод серьёзнее и относится к самой реформе.

Для слабого хозяйства пятьдесят восьмой год был не обретением цельности, а принудительной покупкой.

Стоимость техники превышала пятую часть годового денежного дохода всех колхозов. А выбор — покупать или нет — происходил внутри уже принятой сверху смены модели: сеть МТС реорганизовывалась независимо от заявок.

Иван Бенедиктов предупреждал об этом тогда же: желание купить технику не означает одинаковой способности рассчитаться, особенно в части Нечерноземья.

То есть государство сняло с себя содержание основного капитала деревни и переложило его на хозяйства, часть которых заведомо не тянула.

Признаю силу довода и отвечаю одним уточнением. Закон рассрочку предусматривал, райисполком мог дать два — три года, вышестоящий орган до пяти, и при своевременной выплате проценты не начислялись. Механизм для слабых был написан.

Сработал ли он в каждом конкретном районе — по доступным материалам не видно. Это остаётся открытым.

Разница находилась в уровне, к которому прикреплялись земля и обязанность.

Казачий двор получал служилый надел как материальную основу военной обязанности: выставить человека, коня, справу и сохранить хозяйство во время службы.

В «Разъезде» конструкция ломалась, когда стоимость обязанности росла быстрее ресурса надела. Маслаковец измерял цену службы, Мордвинцев — превращение хозяйства в денежного должника.

ДВА ДВОРА ПО ФУНКЦИЯМ

Советская конструкция была другой. Главное поле предоставлялось артели, не семье; трактор после реформы принадлежал колхозу, не двору.

Государственные обязательства выполняло коллективное хозяйство, а семья входила в него трудом и личным подсобным хозяйством. Связь с большим полем шла через коллектив.

Два двора лучше сравнивать по функциям.

У казака надел связан с двором и службой. У колхозника основная земля — с артелью, семье выделяется приусадебный участок. Это разные конструкции.

Казачий двор сам содержал значительную часть средств службы — коня, справу, имущество и рабочие руки.

Советская артель сначала получала главную машину через МТС; в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом она стала собственностью колхоза, не семьи.

У казака обязанность была персонализирована: служил конкретный мужчина, а двор оплачивал его готовность.

У колхозника государственное обязательство проходило через хозяйство: колхоз сдавал продукцию и распределял остаток, член артели участвовал трудом.

Казачий двор оставлял результат надела после расходов и повинностей. Колхозный двор получал его через долю общественного хозяйства и личное подсобное хозяйство. Модели различались.

Общий принцип: государственная задача зависела от устойчивости низового хозяйства.

Империи нужен был готовый кавалерист, Советскому государству — товарная продукция и крупное механизированное хозяйство.

Кризис начинается, когда обязанность растёт быстрее ресурса её исполнения.

Казачий двор разорялся не из-за самой земли: она была частью служилого договора.

Кризис возник, когда надел перестал покрывать дорожающую обязанность. Двор продавал активы, влезал в долг и терял работника на годы службы.

Цена кавалериста уходила в хозяйство.

Крестьянский двор шёл обратной траекторией. Революция дала право трудового пользования, НЭП расширил хозяйственный расчёт, коллективизация перенесла большое поле на уровень артели.

Трудодень связал человека с остатком результата, паспорт и минимумы труда добавили административный контур.

Реформа МТС завершает эту линию не потому, что возвращает землю семье. Она соединяет внутри колхоза поле, машину, механизатора и хозяйственный результат.

Колхоз становится более цельным субъектом, но принимает стоимость основного капитала. Свобода распоряжаться трактором приходит вместе со счётом за трактор.

Так два сезона сходятся в одной точке. Казачий двор получал ресурс вместе с обязанностью и обнаруживал, что ресурс не покрывает цену службы.

Колхоз получал цельное общественное хозяйство и принимал его расходы и риск. Собственность нельзя отделить от цены функции.

Но сравнение нельзя превращать в тождество. Казачья модель была сословной и военной, колхозная — кооперативной и производственной.

Казак получал статус по происхождению и службе, колхозник входил в артель как участник хозяйства. Сравниваются не режимы, а механизм переноса публичной функции вниз.

ДВА ДВОРА

В «Разъезде» земля отвечала: чем двор оплатит обязанность служить. В «Хлебе» большим полем и трактором распоряжается артель, семья получает долю результата и личный участок.

В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом внешний владелец главной машины исчез: трактор вошёл в колхоз. Счёт за него — тоже.

Если государственная функция опирается на хозяйство, где проходит граница, после которой она начинает это хозяйство расходовать?

Двенадцатый, заключительный материал сезона «Хлеб».

СЕЗОН 17 · «МАШИНА, КОТОРУЮ НЕ ПОСТРОИЛИ»

Материалов в сезоне: 10 · **Сквозные № :** 190–199 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 27.09.2027 — 15.10.2027, через день · **Анонс сезона:** 26.09.2027 · *текст анонса не написан*

Редакция: после финальной сверки.